

Шифр _____

Всего баллов _____

Шифр _____

Фамилия _____

Имя _____

Школа _____

Класс _____

Дорогие ребята!

Поздравляем Вас с участием в муниципальном этапе Всероссийской олимпиады школьников по литературе! Отвечая на вопросы и выполняя задания,

не спешите, так как ответы не всегда очевидны и требуют применения не только знаний, но и общей эрудиции, логики и творческого подхода.

На выполнение заданий отводится 5 часов.

Успеха Вам в работе!

Аналитическое задание

Выполните целостный анализ произведения (прозаического или поэтического по вашему выбору). Обратите внимание на следующие особенности его содержания и художественное своеобразие: жанр произведения, композиция, сюжет, система персонажей, идея, авторская позиция. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Евгений Иванович Замятин Десятиминутная драма

Трамвай № 4, с двумя желтыми глазами, несся сквозь холод, ветер, тьму вдоль замерзшей Невы. Внутри вагона было светло. Две розовые комсомолки спорили о Троцком. Дама контрабандой везла в корзинке щенка. Кондуктор тихо беседовал с бывшим старичком о Боге. Кроме автора, никто из присутствующих не подозревал, что сейчас они станут действующими лицами в моем рассказе, с волнением ожидающими развязки десятиминутной трамвайной драмы.

Действие открылось возгласом кондуктора:

- Благовещенская площадь, - по-новому площадь Труда!

Этот возглас был прологом к драме, в нем уже были налицо необходимые данные для трагического конфликта: с одной стороны - труд, с другой стороны - нетрудовой элемент в виде архангела Гавриила, явившегося деве Марии.

Кондуктор открыл дверь, и в вагон вошел очаровательный молодой человек с номером московских "Известий" в руках. Молодой человек сел напротив

меня, старательно подтянул на коленях нежнейшие гриперлевые брюки и поправил на носу очки.

Очки, разумеется, были круглые, американские, с двумя оглоблями, заложенными за уши. В этой упряжи одни, как известно, становятся похожими на доктора Фауста, другие - на беговых жеребцов. Молодой человек принадлежал к последней категории. Он нетерпеливо бил в пол лакированным копытом ботинка; ему надо вовремя, точно попасть на Васильевский остров к полудеве Марии, а кондуктор все еще задерживал на остановке вагон и не давал звонка. Впрочем, кондуктора нельзя винить: не мог же он отправить вагон, пока там не появится второй элемент, необходимый для драматического конфликта.

И наконец он появился. Он вошел, утвердил на полу свои огромные валеные сапоги и крепко ухватился за вагонный ремень. Ни для кого, кроме него, не ощутимое землетрясение колыхало под его ногами, он покачивался. Покачиваясь, плыл перед ним чудесный мир: две розовые комсомолки, замечательный щенок...

- Тютька, тютька... Тютёчек ты мой!

Он нагнулся - погладить щенка, но невидимое землетрясение подкосило его, и он плюхнулся на скамью рядом со мной, как раз напротив лакированного молодого человека.

- Н-ну... Н-ну, и выпил... Ну, и что ж? - сказал он. - Им-мею полное право, да! Потому - вот они мозоли, вот, смотрите!

Он продемонстрировал трамвайной аудитории свои ладони и тем избавил меня от необходимости объяснить его социальное происхождение: оно и так очевидно. И, очевидно, не случайно, волею судьбы и моей, они были посажены друг против друга: мой сосед в валенках и лакированный человек.

Очки у молодого человека блестели. И блестели зубы у моего соседа - белые, красивые - от ржаного хлеба, от мороза, от широкой улыбки. Покачиваясь, он путешествовал улыбкой по лицам, он проплыл мимо розовых комсомолок, кондуктора, дамы со щенком - и остановился, привлеченный блеском американских очков. Молодой человек почувствовал на себе взгляд, он беспокойно зашевелился в оглоблях очков. Белые зубы моего соседа улыбались все шире, шире - и наконец в полном восторге, он воскликнул:

- О! Ну, до чего хорош! Штаны-то, штаны-то какие... красота! А очки... Очки-то, смотрите, братцы мои! Ну, и хорош! Милый ты мой!

Комсомолки фыркнули. Молодой человек покраснел, рванулся в своей упряжи, но сейчас же вспомнил, что ему, архангелу с Благовещенской площади, не подобает связываться с каким-то пьяным мастеровым. Он затаил дыхание и нагнул оглобли своих очков над газетой.

Мастеровой, не отрываясь, глядел в его очки. Вселенная, покачиваясь, плыла перед ним. Земля в нем совершила полный оборот в течение секунды,

солнце заходило - и вот оно уже зашло, белые зубы потемнели. На лице была ночь.

- А и бить же мы вас, сукиных детей, будем... эх! - вдруг сказал он, вставая.
- Ты кто, а? Ты член капитала, вот ты кто, да! Будто газету читаешь, будто я тебе не шущест-вую! А вот как возьму, трахну тебе по очкам, так узнаешь, которые шуществуют!

Газета на коленях у прекрасного молодого человека трепетала. Он понял, что его василеостровское счастье погибло: в синяках, окровавленному - нельзя же ему будет предстать перед своей Марией. Двадцать пар глаз, ни на секунду не отрываясь, следили за развитием приближающейся к развязке драмы.

Мастеровой подошел к молодому человеку, вынул руку из кармана...

Здесь, по законам драматургии, нужна была пауза - чтобы нервы у зрителей натянулись, как струна. Эту паузу заполнил кондуктор: он торопился к месту действия, чтобы выполнить свой долг христианина и главы пассажиров. Он схватил мастерового за рукав:

- Гражданин, гражданин! Полегче! Тут не полагается!

- Ты... ты лучше не лезь! Не лезь, говорю! - угрожающе буркнул мастеровой.

Кондуктор поспешно отступил к дверям и замер. Трамвай остановился.

- Большой проспект... ныне проспект Пролетарской Победы! - пробормотал кондуктор, робко открывая дверь.

-- Большой Проспект? Мне тут слезать надо. Ну, не-ет, я еще не слезу! Я останусь!

Мастеровой нагнулся к американским очкам. Было ясно, что он не уйдет, пока драма не разрешится какой-нибудь катастрофой.

Слышно было взволнованное, частое дыхание комсомолок. Дама, обняв корзину с щенком, прижалась в угол. "Известия" трепетали на гриперлевых брюках.

- Ну-ка! Ты! Подними-ка личико! - сказал мастеровой. Прекрасный молодой человек растерянно, покорно поднял запряженное в очки лицо, глаза его под стеклами замигали. Трамвай все еще стоял. У окаменевшего кондуктора не было силы протянуть руку к звонку. Мастеровой шаркнул огромными валенками и поднял руку над "членом капитала".

- Ну, - сказал он, - я слезу и, может, никогда тебя больше не увижу. А на прощанье-- я тебя сейчас...

Кондуктор, затаив дыхание и предчувствуя развязку, протянул руку к звонку.

- Стой! Не смей! - крикнул мастеровой. - Дай кончить! Кондуктор снова окаменел. Мастеровой покачался секунду, как будто прицеливаясь, - и закончил фразу:

- На прощанье... Красавчик ты мой -- дай я тебя поцелую!

Он облапил растерянного молодого человека, чмокнул его в губы - и вышел.

Секундная пауза - потом взрыв: трамвайная аудитория надрывалась от хохота, трамвай грохотал по рельсам все дальше - сквозь ветер, тьму, вдоль замерзшей Невы.

1929

Евгений Евтушенко
Письмо к Есенину

Поэты русские,
        друг друга мы браним —
Парнас российский дрязгами засеян,
но все мы чем-то связаны одним:
любой из нас хоть чуточку Есенин.
И я — Есенин,
        но совсем иной.
В колхозе от рожденья конь мой розовый.
Я, как Россия, более суров,
и, как Россия, менее березовый.
Есенин, милый,
        изменилась Русь!
но сетовать, по-моему, напрасно,
и говорить, что к лучшему, —
        боюсь,
ну а сказать, что к худшему, —
        опасно...
Какие стройки,
        спутники в стране!
Но потеряли мы
        в пути неровном
и двадцать миллионов на войне,
и миллионы —
        на войне с народом.
Забывать об этом,
        память отрубив?
Но где топор, что память враз отрубит?
Никто, как русские,
        так не спасал других,
никто, как русские,

так сам себя не губит.
Но наш корабль плывет.

Когда мелка вода,
мы посуху вперед Россию тащим.
Что сволочей хватает,
не беда.

Нет гениев —

вот это очень тяжко.

И жалко то, что нет еще тебя
И твоего соперника — горлана.
Я вам двоим, конечно, не судья,
но все-таки ушли вы слишком рано.
Когда румяный комсомольский вождь
На нас,

поэтов,

кулаком грохочет

и хочет наши души мять, как воск,
и вылепить свое подобье хочет,
его слова, Есенин, не страшны,
но тяжело быть от этого веселым,
и мне не хочется,

поверь,

задрать штаны,

бежать вослед за этим комсомолом.
Порою горько мне, и больно это все,
и силы нет сопротивляться вздору,
и втягивает смерть под колесо,
Как шарф втянул когда-то Айседору.
Но — надо жить.

Ни водка,

ни петля,

ни женщины —

все это не спасенье.

Спасенье ты,

российская земля,

спасенье —

твоя искренность, Есенин.

И русская поэзия идет
вперед сквозь подозренья и нападки
и хваткою есенинской кладет
Европу,

как Поддубный,
на лопатки.

1968

Творческое задание

Высоко оценивая роль пословиц и поговорок, А.С. Пушкин писал: «Что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото!» Подберите эпиграф для произведения современной литературы, используя пословицы и поговорки. Кратко расскажите о выбранном вами произведении современного автора: какие смысловые акценты расставляет выбранный эпиграф? как изменится читательское восприятие произведения при появлении эпиграфа? (примерный объем ответа –100-150 слов)